

УДК 81'35; 81'26

Ф.Н. Даулет*, Г.Г. Шаймерденова, А. Нурдолла

Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Республика Казахстан, г. Алматы

*E-mail: fatima-dauletova@mail.ru

**Лингвокультурологический анализ
зоонима «собака»
в китайском, казахском, русском и английском языках**

Данная статья освещает особенности применения зоонимов в китайском, казахском, русском и английском языках. В связи с тем, что собака – это животное, которое с древнейших времен находится рядом с человеком, ее повадки и внешний вид стали использоваться в качестве метафор для характеристики человеческих качеств. В четырех указанных культурах зооним «собака» используется как в отрицательном, так и в положительном смысле, но превалирует, как правило, отрицательный оттенок. На примере фразеологизмов с компонентом-зоонимом «собака» рассмотрены особенности лингвокультурных различий данных языков, а также использование зоонимов в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: лингвокультурология, зооним, зооним «собака», реалия.

F.N. Daulet, G.G. Shaimerdenova, A. Nurdolla

Zoonym «dog» in chinese, kazakh, russian and english languages

This article highlights the features of the application of zoonyms in Chinese, Kazakh, Russian and English languages. Since the dog is one of the oldest domestic animals, it has been very close to human house, its habits and appearance have been used as a metaphor for characterizing human reality. In these four cultures zoonym «dog» is used in negative and positive ways, but, nevertheless, negatory connotation is more common. On an example of a component – idiom with zoonym «dog» describes the features of linguocultural differences of these languages, and the use of zoonyms in intercultural communication.

Key words: linguaculturology, zoonym «dog», zoonym, reality.

Ф.Н. Дәулет, Г.Г. Шәймерденова, А. Нұрдолла

**Қытай, қазақ, орыс және ағылшын тілдеріндегі «ит»
зоонимін лингвомәдениеттану тұрғыдан талдау**

Берілген мақалада қытай, қазақ, орыс және ағылшын тілдеріндегі «ит» зоонимімен келетін тілдік бірліктер нақты мысалдар арқылы лингвомәдениеттану ғылымы тұрғысынан талданады. Берілген мысалдардан аталмыш халықтардың материалдық және рухани мәдениетіндегі ұқсастықтармен бірге айырмашылықтарды да көруге болады.

Түйін сөздер: зооним, лингвомәдениеттану, «ит» зоонимі, реалиялар.

Совокупность языковых единиц, отражающих предметы и явления, прямо или косвенно связанных с миром фауны, представляет собой особый пласт словарного состава любого языка. В лингвистической литературе зоонимы употребляются в качестве анимализмов, зоонимов-метафор, зоометафор, зоолексем, зоомор-

физмов, компаративных фразеологизмов с анималистическим компонентом, фразеологизмов с зоонимным компонентом, компаративных фразеологизмов с компонентом-зоонимом и т.п. [1].

Естественно, что, занимаясь вопросами исследования фаунонимической лексики, лингвисты пытались так или иначе обозначить эту

лексику. Результатом этих изысканий явилось появление нескольких терминов. Одни из них охватывают более объемные понятия, другие – менее объемные. Понятие «зооним» в научной литературе имеет две трактовки – широкую и узкую. Представители широкого подхода включают в него клички животных (Мурка, Жучка), названия частей тела животного (лапа, хвост); производные от названий животных (курятина, окотиться); предметов, косвенно связанных с животными (пастбище, хлев). В нашем исследовании мы используем термин в узком смысле и вслед за А.Г. Соколовой обозначаем «зоонимами» лексические единицы, объединённые понятием «животное» [2].

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью анализа возникновения проблем в межкультурной коммуникации, в том числе в результате действия стереотипов восприятия наименований животных, которые представляют собой один из наиболее часто употребляемых в речи пластов лексики. Материалом для исследования послужила зоонимическая лексика и фразеологические единицы китайского, казахского, русского и английского языков с именами животных и птиц из различных источников. Практическая ценность исследования состоит в том, что его результаты можно использовать при проведении лекций и практических занятий по межкультурной коммуникации.

Не требует доказательств тот факт, что в речевом общении представителей различных лингвокультур отражаются как универсальные, так и этноспецифические закономерности, характеризующие культурно-национальные особенности коммуникантов. Китайский, казахский, русский и английский языки относятся к разным языковым семьям (первый к сино-тибетской, второй к тюркской, третий и четвертый к индоевропейской), поэтому их контрастивный анализ – «это не что иное, как анализ одного языка в зеркале другого, анализ того, что, в конечном счете, удивляет в другой языковой культуре» [3]. Правильность восприятия зоонимов другого языка носителями китайской, казахской, русской и английской лингвокультур зависит от того, насколько совпадают или расходятся образы их сознаний. Несовпадение этих образов может стать барьером межкультурной коммуникации, поскольку «главная причина непонимания при межкультурном общении не различие языков, а различие национальных сознаний коммуникантов» [4].

Именно зооним отражает различия в национальных культурных представлениях, психологических, ментальных и социальных особенностях и разнообразных обычаях, присутствующих, определенному языковому сообществу и культуре в целом. Зоонимы представляют собой сложные языковые единицы, которым свойствен значительный информационный потенциал. Они могут характеризовать человека с абсолютно разных сторон: 1) внешнего вида: соболиные брови, лебединая поступь, обезьяна, кошка; 2) умственных способностей: собака, курица, свинья, лиса; кроме того, такие зоонимы, как баран и осел, так же могут служить характеристикой интеллектуальных способностей человека; 3) поступки, поведение, черты характера: пёс, свинья, сорока, жук, лиса, петух, волк; 4) ловкость: медведь, корова, обезьяна, дракон, тигр и другие.

В китайской, казахской, русской и английской культурах зооним имеет различные культурные коннотации, которые тесно связаны с историей, обычаями, бытом, страноведением, географическим положением и языковой культурой.

Зоонимы отчетливее, чем любая другая лексика, выражают этнокультурную специфику осмысления окружающей действительности, поскольку образы животных в одной культуре в ряде случаев могут наделяться свойствами, которые для представителей другой культуры могут показаться логически необоснованными или даже противоречащими сложившимся стереотипам восприятия этих животных, что может неблагоприятно отразиться в момент общения. Так, зоонимы могут быть совпадающими, частично совпадающими и несовпадающими по своим значениям. Кроме того, означенные языковые единицы чаще всего носят или положительный, или отрицательный оттенок. По мнению В.А. Степаненко, «появление большей части зоонимических метафор тесно связано с жизнедеятельностью людей и основано на своеобразной ассоциации по смежности: то, что имеет место в человеческом обществе, переносится на представителей животного мира» [5]. Например, зооним «свинья», чаще всего носящий отрицательный оттенок, в русской культуре ассоциируется с чем-то грязным, а в китайской – имеет два значения, ассоциируется с человеком богатым и зажиточным, с одной стороны, и с человеком глупым и неряшливым – с другой; зооним «осел» в китайской, казахской, русской

и английской культурах используется для обозначения недалекого, глупого человека.

Собака всегда была близка к людям, так как является одним из первых одомашненных животных: многие народы увековечили ее многогранный образ в своей культуре. Образ собаки описан в мифах Древнего Египта и Месопотамии, Индии и Скандинавии, Древней Греции и Рима, Японии, Китая, Южной Америки, Древней Руси, Тюркских и других народов мира.

В мировых культурах собака олицетворяет как положительные качества: верность, бдительность, искренность, надежность, защиту; так и отрицательные: гневливость, безудержность, пресмыкательство, беспомощность.

Во многих примитивных и древних представлениях собака ассоциировалась с загробным миром – как его страж и как проводник, доставляющий туда души умерших (например, мифический древнегреческий трехглавый пес Цербер, египетский Анупис, ацтекский бог-собака Шолотль). Однако символизм, связанный с собакой и смертью, более позитивен, чем кажется на первый взгляд. Тот факт, что они ежедневно повсюду сопровождали человека, и приписываемое им знание мира духов стали причиной того, что собак считали хорошими проводниками в загробном мире. Души умерших были в более тесном контакте с собаками в древности в Центральной Азии и Персии, где телами умерших кормили собак. Этот обычай привел к семитскому и мусульманскому представлению о собаке как о «нечистом», подлом, жадном животном, которого использовали только как сторожа (за исключением гонимых собак, у которых был, по вполне понятным причинам, более высокий статус) [6].

Зооним «собака» может обозначать человека как верного, так и пресмыкающегося перед другими, чему свидетельствуют следующие пословицы: в китайском языке – «狗苟蝇营» [gǒugǒuyíngyíng] (букв. увиваться как муха, пресмыкаться как собака; обр. о «подлеце, пробивающем себе дорогу»); в казахском языке – «итаяқтан сару су ишкізу» (букв. дать выпить сыворотку из собачей миски; обр. подчинить себе кого-либо, принуждать, притеснять, подавлять); в русском языке – «собака на сене» (о жадном человеке); в английском языке – «to wake a sleeping dog» (букв. разбудить спящую собаку; обр. озлобить опасного человека).

В зодиаке Древнего Китая «Собака» – одиннадцатый знак, ее символическое и мифологи-

ческое значение выражается довольно разнообразно: начиная с того, что собаки, как считалось, способны изгонять демонов, до того, что в некоторых местностях их до сих пор употребляют в пищу. У представителей народности Яо в Южном Китае собака выступает как прародитель народа, что заставляет вспомнить о тотемных воззрениях.

В китайской культуре считается, что человек и собака имеют схожий характер, к тому же собака отличается абсолютной преданностью своему хозяину. Но в языковой культуре объективные отношения между собакой и человеком совсем другие. Фразеологизмы, в основе которых лежит иероглиф «狗» [gǒu] (собака), чаще носят отрицательный оттенок. Опираясь на сухую статистику, любое слово, содержащее иероглиф «狗», в основном имеет отрицательный характер, например: «走狗» [zǒugǒu] (букв. охотничий пёс, обр. прихвостень, приспешник, лакей), «母狗» [mǔgǒu] (собака женского пола, ругательное слово), «疯狗» [fēnggǒu] (бешеная собака), «狗脾气» [gǒupíqì] (означает, что человек может легко вступить в перепалку с другими), «狗咬狗» [gǒuyǎogǒu] (в значении интриги и ссоры среди плохих людей); «狗屁话» [gǒupìhuà] (ругань, чушь, вздор или ерунда), «狗杂种» [gǒuzázǒng] (букв. дворняжка, грубое обращение к человеку), «狗腿子» [gǒutuǐzi] (букв. собачья нога, обр. приспешник, пособник, предатель, продажная собака), «狗急跳墙» [gǒujítàojiàng] (букв. в крайности и собака бросается на стену, обр. доведенный до отчаяния, загнанный в угол) и т. д., все эти выражения можно встретить в литературных произведениях и в обычной жизни [7].

Поговорки также, в большинстве случаев, носят отрицательный характер. Недоговорка «狗拿耗子» [gǒunáhàozi] (букв. собака ловит мышью) изначально носила положительный окрас, опуская вторую часть – «多管闲» [duōguǎnxiánshì] (букв. слишком много занимается посторонними делами), в последствии стало обозначать «заниматься не своим делом; братья не за свое дело». Такие фразеологические единицы, как «狗眼看人低» [gǒuyǎnkànréndī] (букв. смотреть на людей глазами собаки, обр. смотреть с высоко), «狗咬吕洞宾, 不识好心人» [gǒuyǎolǚdòngbīn, bùshíhǎorénxīn] (букв. собака укусила Люй Дунбина, обр. не понять добрых намерений другого человека), «狗嘴里吐不出象牙来» [gǒuzuǐlǐtǔbùchūxiàngyá lái] (букв. из собачьей пасти не жди слоновой кости, обр.

не жди доброго слова от плохого человека, сквернословить), «挂羊头, 卖狗肉» [guà yáng tóu, mài gǒu ròu] (букв. на вывеске – баранья голова, а в лавке – собачье мясо, обр. заниматься надувательством; обманывать), «狗改不了吃屎» [gǒu gǎi bù liǎo chī shǐ] (букв. собака не перестанет есть собственные испражнения, обр. «горбатого могила испавит», «сколько волка не корми, все равно в лес смотрит») выявляет образ собаки не с самой лучшей стороны.

Также в казахской культуре собака является «Жеті қазынаның бірі», т.е. одним из семи богатств человека, его добрым спутником. Но, не смотря на это, в глазах казахского народа собака ассоциируется с чем-то грязным, нечистым. Например, если собака лизнула человеку руку, он должен помыть руку семь раз, т.е. – много раз [8]. Большинство фразеологизмов с зоонимом «собака» в казахском языке носят отрицательный оттенок, например: «ит байласа тұрғысыз» (букв. место, где не выдержит даже собака, обр. ужасные условия), «ит біле ме» (букв. даже собака не знает, обр. никто не знает), «ит жеккен жер» (букв. место, где запрягают собак, обр. 1. за тридевять земель, 2. места не столь отдаленные), «ит жем болу» (букв. стать кормом для собак, обр. потерять достоинство, опозориться), «иттесу» (жить во вражде, ссориться), «итырықтау» (устать до изнеможения), «итшілеу» (испытывать невзгоды и лишения), «ит көрмес, түтін танымас» (букв. даже собака не чувствует дыма, обр. еле-еле сводить концы с концами), «ит мініп, ирек қамшылау» (букв. сесть на собаку и камчу волочить по земле, обр. влачить жалкое существование), «ит терісін басына қаптау» (букв. надеть шкуру собаки на голову, обр. намылить голову, показать кузкину мать), «ит пен мысықтай» (как кошка с собакой), «иттің құлы итақай» (букв. собачонка прислуживающая собаке, обр. кто ни на есть, всякий), «иттиген табақтай қарады» (букв. посмотреть как на посуду собаки, обр. с отвращением, презрением), «ішін иттей кемірді» (букв. как собака душу скребет, используется как выражение чувства обиды) и другие.

Ярким свидетельством отношения человека к собаке в казахской культуре может служить незначительное количество метафор с этим зоонимом в казахском языке, которые несут в себе положительное начало. Например, «ит басына іркіт төгілді» (букв. время когда иркіт* льется на голову собаки, обр. счастливое время, изобилие, «молочные реки в кисельных берегах»), «ит

көйлек» (букв. рубашка собаки, обр. первая распашонка), «ит жанды» (выносливый), «көштен қалған күшіктей» (букв. как щенок, заблудившийся, обр. бродяга).

Подтверждением отрицательного, бытового отношения к собаке служит и глубоко укоренившееся в сознании казахского этноса брезгливое понятие о месте собаки вне дома, ее подчиненное, зависимое положение. Следовательно, можно отметить, что отрицательное восприятие собаки сохранилось у представителей казахского этноса до сих пор, о чем свидетельствует тот факт, что в казахском семейном укладе редко можно обнаружить совместное проживание в квартире собаки и людей: казахи практически никогда не держат собак дома, в отличие от китайцев, русских и англичан.

У русского народа собака издавна считалась другом человека. Многочисленные литературные произведения описывают собаку как с лучшей стороны, так и с отрицательной. Например, «Муму» Н.В. Тургенева, «Белый Бим – черное ухо», Г.Н. Троепольского, «Каштанка» А.П. Чехова являются отличными образцами положительной характеристики собаки. Выражения «собака – друг человека», «собачья верность», «собачья преданность» позиционируют ее с хорошей стороны. Но таких выражений не много. Больше отрицательных: «собачья жизнь», «собаке собачья смерть», «как собак нерезаных», «собаке (псу) под хвост», «гонять собак». Выражение «где собака зарыта» имеет оба оттенка, как положительный, так и отрицательный, часто используется в разных значениях: обычном, шутливом, ироничном, зловещем. Собака в этих выражениях охарактеризована как гонимое и обижаемое существо. Зачастую, пословицы и поговорки, широко известные в народе усекаются. Произносится только часть, а вторая опускается, как нечто известное, очевидное. Со временем она забывается вовсе. Значение выражения «собака не сене» становится понятным, если узнать его полностью: «Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает». Используется для характеристики человека, владеющего чем-то ему самому ненужным, но не желающим дать возможности пользоваться этим окружающим. Чаще всего говорится в адрес жадного человека.

В русских традициях нет обычая есть собак. Даже специальные мясные породы собак, такие, как китайский пекинес или корейская чау-чау, у русских разводятся исключительно как деко-

ративные. Собака вообще считалась нечистым животным, а ее мясо поганым. Однако жизнь непредсказуема, бывают ситуации, когда и собаку готов съесть. Именно о таком несчастье повествует повесть Неверова «Ташкент – город хлебный», когда люди были вынуждены съесть не только домашний скот, но и дворовых обитателей – Барбосов, Жучек, Шариков. И если сейчас говорят «собаку съел», то имеют в виду, что человек многое повидал и испытал, и плохое и хорошее, и его уже трудно удивить.

Образ собаки в английском языке (американский и британский вариант), как правило, олицетворяет пренебрежительное отношение. Так, например, «*doggerly*» в американском сленге используется для наименования дешевого, пользующегося дурной славой кабачка. Интересное происхождение имеет зоометафора «*a/the hair of dog (that bit you)*» (букв. шерсть собаки, которая тебя укусила, обр. клин клином вышибают), используемая для обозначения алкогольного напитка, выпиваемого для снятия похмельного синдрома. Раньше считалось, что от укуса бешеной собаки можно вылечиться, положив собачью шерсть на место раны. Происхождение данной метафоры уходит своими корнями во времена Шекспира. В Шотландии популярностью пользовалось поверие о том, что несколько волосков от собаки, которая вас укусила, приложенные к месту раны, спасут от злосчастных последствий. Применимо к алкогольным напиткам, метафора означает, что, если накануне вечером вы выпили слишком много, выпейте утром дозу того же самого алкоголя, чтобы успокоить нервы. В такие фразеологические единицы, как «*a dirty dog*» (букв. грязная собака, обр. грязная скотина, свинья), «*tired as a dog*» (устал как собака), «*crooked as a dog's hind leg*» (букв. кривой, как задняя лапа собаки, обр. бесчестный, непорядочный), «*a yellow dog*» (букв. желтая собака, обр. подлый человек), «*the tail wagging the dog*» (букв. хвост крутит собакой, обр. меньшинство командует большинством, подчиненный командует начальником), «*barking dogs seldom bite*» (букв. собака, что лает, редко кусает, поговорка – бодливой корове бог рогов не дает), «*beware of a silent dog and still water*» (букв. остерегайся безмолвной собаки и стоячей воды, поговорка – в тихом омуте черти водятся) заложен отрицательный оттенок, а в другие, например «*hot dog*» (букв. горячая собака, обр. вот здорово! это я понимаю!), «*a clever dog*» (умный), «*like a dog's dinner*»

(букв. ужин, как у собаки, обр. довольный), «*top dog*» (чемпионская собака), «*lucky dog*» (удачная собака) носят исключительно положительный оттенок. Все эти фразеологизмы встречаются в повседневной речи.

Фразеологическая единица из английского языка «*work like a dog*» (*работать как собака*), со значением выполнения тяжелой работы указывает на положительную окрашенность данного выражения: англичане отдают дань выносливости собаки, ее способности выполнять непосильные нагрузки.

Очень известным и часто употребляемым выражением английской языковой культуры является фразеологизм «*it rains cats and dogs*», дословно переводимый как «*дождь идет кошками и собаками*», что соответствует русскому фразеологизму «*льет как из ведра*». В русском языке выражение «*такая погода, что добрый хозяин и собаку не выгонит*», позволяет провести определенную параллель с названным английским фразеологизмом.

Универсальная составляющая рассмотренных компаративных фразеологических единиц с компонентом-животным «собака» является отражением общности, существующей в языковых сознаниях китайского, казахского, русского и английского этносов, находит свое отражение в наличии сходных, возможно, калькированных выражений в исследуемых языках.

Проведенный анализ показал, что образные единицы «ярко отражают особенности языковой интерпретации действительности. Национальное своеобразие образных номинаций наиболее наглядно проявляется при сопоставлении обозначений одного и того же референта в разных языках» [9], что реализовано на материале тематической группы зоонимов и при анализе их эквивалентных пар. Общность образной словесной сферы генетически неродственных языков доказывает, что «метафора является универсальным орудием мышления и познания мира во всех сферах деятельности <...>. Она присуща всем языкам и во все эпохи» [10].

Неправильное использование фразеологизмов того или иного языка может вести к заблуждению собеседника, привести к сбоям в межкультурной коммуникации и даже привести к межкультурному конфликту. Для успешного использования зоонимов и фразеологизмов, необходимо обладать достаточными культурологическими, лингвострановедческими и социальными знаниями.

Литература

- 1 Архипова, И.В. Зоонимы в современном немецком языке. Факультет иностранных языков НГПУ / И.В. Антонова // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков» (1–30 нояб. 2009 г.): междунар. научн.-практ. интернет-конф.
- 2 Соколова А.Г. КОШКА и СОБАКА в русском и немецком языках (на материале толковых и фразеологических словарей) <http://www.russian.sfgpu.ru/files/sokolova.pdf>
- 3 Галимова О.В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека: На материале русского и немецкого языков: диссертация кандидата филол. наук: 10.02.20. – Уфа, 2004. – 309 с. – С. 8
- 4 Тарасов Е.Ф. Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1996. – С. 6–15.
- 5 Степаненко, В.А. Зоонимы в немецком словообразовании (к проблеме соотношения сложного слова и словосочетания) [текст]: дис. канд. филол. наук / В.А. Степаненко. – Иркутск, 1992. – С. 11.
- 6 Маригун Н.И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. – 2009. – № 2. – С. 11–30.
- 7 杨德峰. 韩羽与文化交际. 商务印书馆. – 2012. – 280 页.
- 8 Дәулетова Ф.Н. Лингвомәдениеттану: қытай және қазақ тілдерінің салғастырмалы фразеологиясы. – Алматы: Қазақ университеті, 2000. – 42 б.
- 9 Блинова О.И., Юрина Е.А. Образная лексика русского языка // Язык и культура. – 2008. – № 1. – С. 5–14.
- 10 Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11–26.

References

- 1 Arkhipova, I.V. Zoonyms in modern German language. Department of Foreign Languages NSPU / IV Antonov // Actual problems of philology and methods of teaching foreign languages «(1-30 Nov. 2009): int. nauchn. Scient. Internet Conf.
- 2 Sokolov A.G. Cats and dogs in the Russian and German (based on intelligent and phraseological dictionaries) <http://www.russian.sfgpu.ru/files/sokolova.pdf>
- 3 Galimov O.V. Ethnocultural specificity zoonyms: vocabulary characterizing human: On a material of Russian and German Philology Dissertation of the candidate. Sciences: 10.02.20. – Ufa, 2004. – 309 p. – P. 8.
- 4 Tarasov E.F. Introduction // Language and mind: a paradoxical rationality. – M., 1996. – P. 6-15.
- 5 Stepanenko, V.A. Zoonyms German word-formation (to the problem of the relation of complex words and phrases) [text]: Dis. cand. Philology. Science / VA Stepanenko. – Irkutsk, 1992. – S. 11.
- 6 Marigun N.I. Concept «dog» as an element of Russian language picture of the world // Language and Culture. – 2009. – №2. – S. 11-30.
- 7 杨德峰. 韩羽与文化交际. 商务印书馆. – 2012. – 280 页.
- 8 Дәулетова F.N. Lingvomәдениеттану: қытай және Kazakh тилдерінің салғастырмалы фразеологиясы. – Almaty: Kazakh University. – 2000. – 42 b.
- 9 Blinov O.I., Yurina EA Figurative vocabulary of the Russian language // Language and Culture. – 2008. – № 1. – S. 5-14.
- 10 Gak V.G. Metaphor: universal and specific // metaphor in language and text. – M.: Nauka, 1988. – P. 11-26.